

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации У Хань
«Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой
трети XX века», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература

Осип Мандельштам некогда написал в стихотворении: «Воздух дрожит от сравнений», а потом прокомментировал в прозе: «...ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение». А основоположник современной китайской литературы, (и, кстати, – современник Мандельштама) Лу Синь, в одном из своих эссе заметил: «Только постоянно сравнивая явления друг с другом, можно пробудить в себе самосознание».

Таким образом, философская злободневность сравнительного метода осмысления явлений (в том числе литературных) освящена авторитетом двух выдающихся писателей XX века, творивших именно в тот период, который стал объектом внимания диссертантки. Однако предложенная тема актуальна и в литературоведческом аспекте. Проблема типологического сравнения поэтов, относящихся к одной исторической эпохе, но принадлежащих к разным национальным культурам, относится к одной из самых дискуссионных и одновременно филологически притягательных. Когда мы находим сближения или переключки художественных миров, далеко отстоящих друг от друга в национальном и географическом отношении, всегда задаемся вопросом: что это? – типологическое совпадение, влияние? или заимствование? И дать окончательные ответы на эти вопросы чрезвычайно трудно... Однако сопоставительный анализ явлений разных культур может обнаружить «тонкие пленительные связи» и типологические параллели между ними, в нашем случае – между русской и китайской поэзией первой трети XX века.

Следует подчеркнуть, что трудность решения этих проблем связана с тем, что в современном литературоведении до сих пор недостаточно разработаны конкретные механизмы и принципы типологического сравнения

и отсутствует четкая методика, которую мог бы использовать автор, выбравший для исследования компаративистскую тему.

Поэтому приступая к решению этих злободневных для современной филологии задач, У Хань прежде всего разрабатывает методологический алгоритм исследования, руководствуясь при этом методологическими ориентирами китайских и российских теоретиков и историков литературы.

В качестве немалой заслуги автора следует указать освещение во введении и в первой главе теоретических источников, позволивших ей сформулировать собственные методологические идеи и прийти в итоге к оригинальным выводам, достигнутым благодаря **применению сравнительно-исторического метода**. Диссертантка обнаруживает глубокое знание истории вопроса, касающегося компаративистских методов анализа. Особый методологический акцент У Хань делает на работах А. Веселовского, М. Алексева, Н. Конрада и особенно В. Жирмунского и В. Аминевой, наиболее четко сформулировавших градации и соответствующие им принципы компаративистского анализа.

Основываясь на этих принципах, У Хань, *во-первых*, четко очерчивает объект и предмет своего исследования и сосредоточивает свое внимание на *орнитологической образности*, весьма характерной, как показывается в ходе исследования, для художественного мира русской и китайской поэзии.

Во-вторых, соискательница избирает конкретный литературный период, обозначенный в заглавии диссертации, причем мотивирует свой выбор социальными и культурологическими факторами, главные из которых: а) развитие модернистских тенденций в китайской литературе под влиянием сближения с западной культурой, б) политическое и экономическое сотрудничество с Россией, и знакомство с русской классической литературой и с литературой Серебряного века художественной интеллигенции Китая. Разработке этих проблем она посвящает первую главу, которая имеет несомненную ценность из-за обширности рассмотренного материала и дает довольно полное представление о литературном процессе и эстетических тенденциях в России

и Китае, о возможных точках соприкосновения китайских авторов с произведениями русских писателей.

В-третьих, У Хань разрабатывает свой собственный, оригинальный и концептуально обоснованный вариант осмысления «точек соприкосновения» (вторая глава) и «точек разминовения» (третья глава) художественных отражений образов птиц в русской и китайской поэзии первой трети XX столетия.

Уже сама постановка проблемы, выбор материала и его структурная организация свидетельствуют о новизне и наукоемкости представленного к защите исследования.

Диссертантка абсолютно права в своем утверждении, что, несмотря на многочисленные упоминания в критической литературе образов птиц у того или иного русского или китайского автора, комплексного исследования функционирования образов птиц не проводилось. Я не могу припомнить ни одной обобщающей работы семиотического или просто классификационно-описательного типа по «птичьей» тематике на материале русской поэзии, хотя высокая частотность и художественная значимость орнитологической семантики для нашей поэтической культуры очевидна.

Поэтому первым из несомненных результатов работы У Хань следует назвать вычленение наиболее характерных птичьих образов и в русской и в китайской поэзии первой трети XX века – в лице самых выдающихся ее представителей, в основном модернистской ориентации. Это поэты-символисты (Ф. Сологуб, К. Бальмонт, З. Гиппиус, А. Белый, А. Блок, И. Анненский); яхменсты (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам); футуристы (В. Маяковский); «новокрестьянские» поэты (С. Есенин, Н. Клюев), поэты вне течений (М. Цветаева) и др. Не менее впечатляющ перечень китайских поэтов – это Сюй Жи-мо, Ван Вэй, Фэн Чжи, Го Можо, Ху Ши, Инь Фу, Лу Синь, Хэ Цифан, Му Дань и др., стихотворения которых стали объектом анализа диссертантки.

Второй важнейший результат – анализ роли орнитологической образности в дискурсе как китайской, так и русской поэзии, развернутый во втором параграфе первой главы («Орнитологические образы и их место в

русской и китайской поэзии первой трети XX века» (с. 24-45). Заслуживает самой высокой оценки тот факт, что автор диссертации подходит к орнитологическим кодам с функциональной точки зрения.

Применение зооморфных образов, по мнению автора диссертации, наиболее короткий путь к созданию наглядных экспрессивных образов, к опосредованному, но весьма выразительному проявлению авторской модальности или даже к прямому выявлению сути лирического переживания, а также настроения или характера лирического персонажа-адресата (не совпадающего с автором). Уподобление человека птице даёт возможность в некоторых случаях отказаться от развёрнутой характеристики лирических героев (лирических персонажей), так как применяемые писателем элементы зооморфного «кода» имеют прочно закреплённые в культурной традиции и потому легко угадываемые читателями значения. Причем, как доказывает диссертантка, орнитологические сравнения в исследуемую эпоху отличаются большей степенью символического обобщения по сравнению с предшествующей поэтической эпохой, где образы птиц играли пейзажную роль. Таким образом, главной функцией У Хань справедливо называет функцию символизации образа мира. В частности, нельзя не обратить внимания на тонкие наблюдения и глубокие суждения относительно орнитологической символики, возникшей в дискурсе Серебряного века и связанной с «потусторонне-космической сферой» или танатологическими значениями, выявленной диссертанткой в текстах русских символистов, в частности, А. Блока и И. Анненского и др.

Третий значимый результат заключается в том, что в ходе корректного компаративистского анализа орнитологической семантики во второй главе (с. 46-96), У Хань сумела вычленить факты типологических схождений и взаимодляний китайской и русской поэзии, а также обозначить некую гомологию, общий семиотический «субстрат» в творчестве русских и китайских лириков первой трети XX века.

На тематическом уровне заслуживает высокой оценки типологическое сравнение образов *ласточки*, *кукушки* и *ворона*, наиболее частотных в поэзии русских и китайских авторов исследуемого периода. Замечу, что уже один

этот мотивный комплекс мог бы стать темой отдельного монографического (диссертационного) исследования, настолько он богат по коннотативному материалу.

Несмотря на некоторую конспективность изложения (являющуюся следствием широкого охвата текстов), в его разворачивании мы находим массу тонких наблюдений и нетривиальных суждений, действительно выявляющих типологические схождения и различия. Так, подлинное восхищение вызывает скрупулезный анализ диссертантки иероглифа ласточки (с.46-47), обнаживший сам механизм семантических напластований, таящийся в китайском языке! Я очень благодарна У Хань за этот блистательный пассаж!

Здесь радуют и обнаруживаемая исследовательницей символика свободы, и календарная символика ласточки, знаменующий приход весны – общий для русской и китайской лирической ментальности, и психейное олицетворение души, встречающееся как в контексте русских поэтов (О. Мандельштама, М. Цветаевой), так и в китайском лирическом дискурсе.

Четвертый, несомненно, заслуживающий одобрения научный результат работы появился вследствие рассмотрения (в заключительной третьей главе (с. 97-145) орнитологических образов, по-разному интерпретируемых в поэтических вселенных России и Китая. Сопоставительный анализ позволил диссертантке объяснить разный подход русских и китайских поэтов к семантике *голубя, гуся/лебедя и павлина*. Соискательница резюмирует свои наблюдения с опорой на художественные методы литературных направлений, в рамках которых творили авторы, и одновременно – с опорой на ментальные особенности и национальные традиции, сформировавшие ту или иную семиотическую трактовку птичьего образа.

И здесь нужно отметить как один из наиболее значимых, пятый результат исследования. Он заключается в том, что автор диссертации, не ограничиваясь очерченным периодом, показывает, какую роль тот или иной птичий образ играл в предшествующей фольклорной, религиозной или классической литературной традиции. Рассмотрение почти каждого из

образов в фольклорно-мифологическом и диахроническом аспекте позволяет У Хань указать еще на одну функцию птичьей семантики как хранителя культурной традиции. Ведь каждый птичий образ в ее интерпретации предстает как некая мифологическая свертка — сублимированный миф, который в текстовом пространстве конкретного авторского стихотворения излучает определенные семантические импульсы, обуславливая те или иные мифологические, фольклорные или литературные подтексты. Чрезвычайно интересными представляется аналитический комментарий диссертантки, касающийся демиургической, тотемной, магической, ауспициальной (предполагающей гадание по полету и поведению птиц) роли птиц в китайской мифологии и древнейшей литературе.

Разумеется, эта мифологическая семантика накладывается на современную орнитологическую образность в стихотворениях китайских поэтов. У Хань это ярко и убедительно демонстрирует в своем исследовании. Но тут ведь возникает еще одна «бездонная» тема для компаративистских размышлений: о соотношении китайских орнитологических архетипов с подобными же архетипами в других мифологиях, например, в скандинавской, славянской, латиноамериканской. И надо сказать, что в ряде случаев, У Хань подобные сопоставительные экскурсы делает — с опорой на соответствующую критическую и теоретическую литературу.

Таким образом, можно заключить, что диссертантка достойно справилась с поставленной задачей, продемонстрировала свободное владение сложными теоретическими категориями, лежащими в основе компаративистского метода, предложила оригинальную концепцию его использования, проиллюстрировала ее обширнейшим фактическим материалом. Особенно ценно то, что цитаты из стихотворений китайских поэтов даются в оригинале, снабжаются собственным подстрочным переводом и в ряде случаев сопровождаются художественным переводом профессиональных переводчиков.

Но это не означает, что У Хань исчерпала тему и как бы ее «закрыла». Как раз наоборот! Работы такого рода провоцируют плодотворную научную мысль, которая стимулирует дальнейшее продвижение к истине. В свете

этого позволю себе задать несколько «критических» вопросов и сделать несколько замечаний.

1. Проводился ли контент-анализ частотности образов этих птиц в русской и китайской поэзии первой трети XX века? Учитывались ли данные распределения «видов птиц» в корпусе текстов того или иного поэта? Одну из таких таблиц, составленных Коронай по лирическим произведениям Анны Ахматовой могу подсказать (см.: Корона В.В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. С. 198-199).

2. В связи с первым возникает второй вопрос: чем продиктован выбор для компаративистского анализа именно этих птиц (ласточка, кукушка, ворона; голубя, гуся/лебедя, павлина)? Почему автор диссертации не обратился, к примеру, к образам журавля (весьма частотного образа в русской поэзии символистов и акмеистов и одновременно в классической китайской поэзии) или, скажем, орла?

Ведь в классической, равно как и в современной поэзии Китая *орел* символизирует доблесть, мужество, преодоление любых преград (великое мужское начало «Ян»). В мифологической традиции орел является символом солнца, поскольку китайцы верили, что *орел* может долететь до солнца. Но ведь почти такие же коннотации несет в себе образ *орла* в поэзии Гумилева! И, возможно, это связано не только с тем, что китайские поэты были восприимчивыми русской поэтической традиции, но и русские поэты – тот же Гумилев – были восприимчивыми китайской поэтической традиции. Не случайно Гумилев издал сборник «Фарфоровый павильон» (1918), содержащий вольный перевод китайских поэтов, а в интервью английскому журналисту К.Э. Бекгоферу в 1917 году указывал на параллели новейшей русской поэзии с «лучшими произведениями китайских поэтов..., интерес к последним явственно увеличивается в... России» (Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. Т.3. Письма о русской поэзии. М.: Худож. Лит., 1991. С.223).

Думается, что указанный аспект «обратной связи» русских и китайских поэтов вылял из поля зрения У Хань, а этот исследовательский ракурс может быть весьма плодотворен.

3. Диссертантка прекрасно владеет критическими источниками по теме исследования, но порою они заслоняют ее собственную мысль (подчеркну, что это относится только к русским источникам: китайские лирические тексты проанализированы вполне самостоятельно). Так, при анализе образа ласточки у Мандельштама (с.63-64) приводятся суждения Т. Никитиной и Д. Черашней, а собственного анализа или хотя бы цитат, подтверждающих верность суждений литературоведов нет. Между тем, *ласточка* действительно один из самых частотных в творчестве Мандельштама, у него есть стихотворение с одноименным названием, в котором сосредоточена масса символических значений (корреспондирующих, на мой взгляд, и с китайским поэтическим дискурсом).

Мандельштаму вообще не очень повезло с исследовательским вниманием диссертантки. Так, У Хань, анализируя семантику голубя в русской поэзии, пишет: *«Голубь, наряду с агнцем и рыбой, является важнейшим символом в христианстве. Его изображают с оливковой ветвью в клюве, что является эмблемой мира и освобождения. Этимология данного символа восходит к Библии, согласно которой Ной со своего ковчега трижды выпускал голубя в надежде на то, что тот принесёт весть об окончании всемирного потопа»* (с. 102). И далее иллюстрирует этот библейский мотив цитатами из стихотворений Ахматовой («Милому») и Блока («Рассвет»), которые лишь отдаленно перекликаются с данным мотивом. Между тем у Мандельштама есть стихотворение «Венецианская жизнь» (1920), в подтексте которого возникает мотив революции как всемирного потопа, и в этом смысловом контексте неизбежно возникает образ «голубя», безусловно несущего в себе библейские коннотации. Ср.: «Словно голубь залетел в ковчег...».

4. И наконец, последнее пожелание. Возможно, в ходе анализа следовало бы четче акцентировать, в каких случаях образы птиц явлены в прямых значениях, а в каких даны в переносном смысле (являются метафорой или вторым членом сравнительной конструкции). Это может оказаться важным при компаративистском исследовании особенностей национальных поэтик.

Однако все вышесказанные вопросы и замечания несколько не влияют на общее – очень высокое – мнение о рецензируемом исследовании: они, скорее, приглашают к дискуссии.

Общий вывод: диссертационное сочинение У Хань полностью отвечает требованиям, изложенным в п. 9-10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

Основные положения и выводы диссертации непротиворечивы, нетривиальны, самостоятельны, апробированы в устных выступлениях и публикациях.

Материалы исследования могут быть использованы как в науке, так и в образовательном процессе высшей школы в России и в Китае. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

У Хань, несомненно, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры «Перевод и переводоведение»
Пензенского государственного
технологического университета

Татьяна Сергеевна Круглова

Адрес: 440039, г. Пенза, проезд Байдукова 4 ул. Гагарина, д. 1а /11, корпус 1;
тел.(8412) 495441, E-mail: rector@penzgtu.ru

Подпись Кругловой Т.С. завершено:
Проректор по УР [И.В. Яковлев] – [В.Н. Лисов]

СПИСОК
научных работ доктора филологических наук, профессора кафедры «Перевод и переводоведение»
Пензенского государственного технологического университета
Кругловой Татьяны Сергеевны

№ п/п	Наименование работы, её вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п.л.	Соавторы
1	2	3	4	5	6
1. НАУЧНЫЕ РАБОТЫ					
1.	Лирический диалог М.Цветаевой и А.Ахматовой в жанровом аспекте (статья).	Печат.	Вестник Новгородского государственного университета. Серия "Филология". 2010. № 56. – С. 36-40.	0,4	–
2.	Коммуникативно-эстетическая функция стихотворных обращений в дискурсе русского символизма (статья).	Печат	Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. – Вып. 8. - Симферополь: Крымский Архив, 2010. – С.241-250.	0,5	–
3.	Коммуникативные установки Андрея Белого в лирических обращениях к поэтам-современникам. (статья)	Печат.	Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Научно-практический журнал. № 3 (15) Пенза, 2010. – С. 85 – 90.	0,4	–
4.	Пространство диалога с Серебряным веком: «Я над ними склонюсь, как над чашей...» Анны Ахматовой. (статья)	Печат.	Восток - Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре: Сборник статей по итогам IV Междунар.науч. конф. (заоч.). Волгоград, 19 ноября 2010 г. – Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2011. –С. 53 – 60.	0,4	–
5.	Книга стихов Андрея Белого «Пепел» в коммуникативно-жанровом аспекте. (статья)	Печат.	Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 1. (Т. 17). – С. 143 – 147.	0,4	–

6.	«Специфика адресации в творчестве раннего Маяковского: поэтика лирических инвектив» (статья).	Печат.	Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки № 3 (19). 2011. – С. 77 – 83.	0,5	–
7.	Лирический диалог Цветаевой с Шекспиром как отражение ренессансного антропоцентризма (статья).	Печат.	Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. – № 2. 2010 (Т.16). – С. 130-134.	0,3	–
8.	«Против течения...»: специфика адресации в цикле «Стихи к Пушкину» Марины Цветаевой (статья).	Печат.	Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения - 2012). Ч. 2: Литературоведение: Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во СПГУТД, 2013. – С. 227 – 332.	0,5 п.л.	Кихней Л.Г., Павлова Т.Л.
9.	Адресованная лирика русского модернизма: поэтологический аспект (монография).	Печат.	М: Изд-во ИМПЭ им. А.С.Грибоедова, 2013. – 337 с.	19,75	–
10.	Специфика адресации в книге стихов Андрея Белого «Золото в лазури» (статья).	Печат.	Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 132 – 139.	0,5	–
11.	Специфика поэтологического диалога М.Цветаевой (статья).	Печат.	Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 17 декабря 2014 г.). – Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2014. – С. 107 – 112.	0,4	–
12.	«Поверх барьеров»: поэтологический диалог М.Цветаевой с поэтами-современниками (статья).	Печат.	Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Вып.12. – Симферополь, Крымский архив, 2014. – С. 121 – 126.	0,4	–

13.	Коммуникативные стратегии Марины Цветаевой в лирическом диалоге с «самыми близкими» (монография).	Печ ат.	Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2015. – 56 с.	<u>3,26</u> 1,63	Кихней Л.Г.
-----	---	---------	--------------------------------------	---------------------	-------------

Круглова Татьяна Сергеевна

440039, Российская Федерация, г. Пенза, проезд Байдукова /ул. Гагарина,
д.1а/11, корпус 1

тел. (8412) 495441, e-mail: rector@penzgtu.ru

28.8.2015

Доктор филологических наук,

профессор кафедры

«Перевод и переводоведение»

Пензенского государственного

технологического университета

Т.С. Круглова

*Судя по всему - это Круглова Татьяна Сергеевна
1.08.15*